

То есть, фактически, союзники ради сохранения России в войне и Дума ради получения власти планировали осуществить то, что можно назвать, пользуясь современной терминологией, первой «цветной революцией». Правда, ее потенциальные участники чаще всего употребляли термин «пасхальная революция», потому что смена власти планировалась на Пасху⁴⁷³.

Но планам этим сбыться было не суждено, и, как с горечью писал в своих воспоминаниях английский посол в России, сэр Д. У. Бьюкенен, деятелей Государственной думы и союзников предупредило народное восстание⁴⁷⁴. Или, говоря словами П. Н. Милюкова, Россию все-таки «захлестнуло слева».

М. М. САФОНОВ

Роль Государственной думы в подготовке отречения Николая II

При жизни Екатерины II пушечный выстрел с Петропавловской крепости два раза в день возвещал жителям Петербурга о восходе и заходе солнца. 8 ноября 1796 г. пушка выстрела в последний раз. «Российское солнце погасло, – писал адмирал Шишков, – Екатерина Великая телом во гробе, душою на небесах»⁴⁷⁵. Одним из первых распоряжений нового царя был указ обер-коменданту Чернышеву, вошедший в Полное собрание законов «О не чинении впредь из Санкт-Петербургской крепости выстрелов поутру и ввечеру»⁴⁷⁶. Сегодня пушка Петропавловки стреляет ровно в полдень. Собственно говоря, этот выстрел сейчас, как и раньше, представляет собой некий временной рубеж, выраженный посредством звука.

Во время революции 1917 г. тоже имел место временной рубеж, выраженный звуком. Я имею в виду не пресловутый залп «Авроры», а нечто другое. 27 февраля 1917 г., в половине 12-го вечера, вот здесь в Таврическом дворце имела место символическая сцена. Председатель Государственной думы М. В. Родзянко выпрямился в кресле и со всего маху ударил ладонью по столу. «Хорошо, господа, – громко произнес он, – я беру власть в свои руки. Но отсель прошу всех беспрекослов-

---

⁴⁷³ ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. Оп. 246. Д. 27. Л. 15.

⁴⁷⁴ Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М.; Пг., 1923. С. 187.

⁴⁷⁵ [Шишков А. С.] Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Берлин, 1870. Т. 1. С. 9.

⁴⁷⁶ ПСЗРИ. 1-е изд. № 17535.

но мне подчиниться... Александр Федорович, это особенно к Вам относится», – произнес он, обращаясь к Керенскому⁴⁷⁷.

Едва ли кто из присутствовавших в тот момент в кабинете осознавал, что дерзкие слова председателя Государственной думы можно было уподобить известному монологу гоголевского героя, хотя теперь, спустя 90 лет, аналогия напрашивается сама собой: «Один раз я даже управлял департаментом. И странно: директор уехал, – куды уехал неизвестно. Ну, натурально пошли толки: как, что, кому занять место? Многие из генералов находились охотники и брались, но подойдут, бывало, – нет, мудрено. Кажется и легко на вид, а рассмотришь – просто черт возьми! После видят, нечего делать – ко мне. И в ту же минуту по улицам курьеры, курьеры... можете себе представить тридцать пять тысяч одних курьеров! Каково положение? – я спрашиваю. “Иван Александрович, ступайте департаментом управлять!”... “Извольте господа, я принимаю должность, я принимаю... только уж у меня: ни, ни, ни..! Уж у меня ухо остро!”»⁴⁷⁸. И дело не в том, что никто из присутствовавших, в особенности Александр Федорович, подчиняться Михаилу Васильевичу не собирался, сколько бы он не произносил как заклинание: «Я сам, я сам... везде... везде...».

Самыми яркими фигурами во Временном комитете Государственной думы, созданном после ее роспуска для поддержания порядка и управления, оказались: М. В. Родзянко – председатель, П. Н. Милюков – лидер партии кадетов, А. Ф. Керенский – трудовик. Керенский был членом Исполнительного комитета Петроградского совета рабочих депутатов, что придавало его голосу особую весомость. Причем по мере того, как Совет набирал силу, голос Керенского звучал все сильнее. С первой же минуты существования Комитета между ними завязалась борьба за лидерство. Все трое оставили мемуары о революции, но никто из них не рассказал об этой отчаянной схватке. Как раз наоборот, именно ее авторы воспоминаний старались тщательно затушевать. В самом деле, если бы они просто-напросто рассказали, как боролись за власть друг с другом, их откровения пролили бы яркий свет на то, как был создан первый в истории России «общественный кабинет». Это позволило бы понять, почему его конечным результатом стало то, что большевики без особого труда взяли власть в свои руки и не только уничтожили все, им сделанное, но создали коммунистический режим, по сравнению с которым режим самодержавный мог бы показаться ВИП-санаторисм.

С этого момента, когда Родзянко в сердцах саданул по столу, Государственная дума начала движение вверх по лестнице, ведущей вниз.

---

⁴⁷⁷ Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 451.

⁴⁷⁸ Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений. М., 1951. Т. IV. С. 50.

Объявив о взятии власти, Дума по сути дела сама себя уничтожила. Резкий удар ладонью «толстяка» Родзянко, хотя в тот момент этого никто не осознавал, в сущности представлял собой нечто вроде хакакири, которое руками своего председателя совершил над собой первый российский парламент. Удар Родзянко оказался ударом по всему еще неокрепшему российскому парламентаризму. Государственная дума появилась при царе и существовала рядом с ним, точнее говоря, при нем. Дума без царя существовала только виртуально, на практике российская история такого феномена не знала. Не стало царя, не стало и Думы. Не прошло и пяти дней, как новая власть победившего режима признала существование Думы нецелесообразной. Она более не собиралась. Факир на час Родзянко фактически сошел, если не с исторической сцены, то, во всяком случае, с политического Олимпа и бывшему председателю оставалась лишь писать письма «другу Тряпичкину». Вся же власть оказалась в руках Временного правительства, никем не выбранного, ни перед кем неответственного, ни республиканского, ни монархического. Руки же этого российского Левиафана, уродца, не протянувшего и девяти месяцев, оказались настолько слабыми, что уже в октябре 1917 г. власть перешла к большевикам. А они 80 лет делали все, чтобы изгладить из исторической памяти малейшие намеки на то, что в начале XX века в России все же существовал, пусть и недолго, настоящий парламент. Хотя, и не совсем такой, как скажем, в Англии. Впрочем, именно таким он мог стать утром 2 марта 1917 г. Мог, но не стал.

2 марта 1917 г. 5 ч. 25 м. Николай II послал из Пскова, где царь находился «как мышь в западне»⁴⁷⁹, в Могилев в Ставку начальнику штаба верховного главнокомандующего генералу М. В. Алексееву следующую телеграмму: «Можно объявить представленный манифест, пометив его Псковом. Николай»⁴⁸⁰. В манифесте содержалась сакраментальная формула, которая воплощала в себе квинтэссенцию политических вожделений думской оппозиции: «Я признал необходимым, – торжественно провозглашал монарх – призвать ответственное перед представителями народа министерство, возложив образование его на председателя Государственной думы Родзянко, из лиц, пользующихся доверием всей страны»⁴⁸¹. В скобках замечу: в этой причудливой фразе необыкновенным образом соединились две разных формулы: и министерство доверия, и ответственное министерство. Видимо, авторы ее намеревались удовлетворить одновременно сторонников и того и другого. Во всяком слу-

---

⁴⁷⁹ Переписка Николая и Александры Романовых. (Далее: Переписка). М.; Л., 1927. Т. V. С. 232.

⁴⁸⁰ Красный архив. (Далее: КА). 1927. № 2. С. 62.

⁴⁸¹ Там же. С. 53–54.

час, телеграмма царя, будь она осуществлена, ставила Родзянко во главу управления. Она легитимизировала переход фактической власти в руки председателя Государственной думы: царская санкция освящала, то есть делала законным то, что фактически Родзянко, вопреки действующему законодательству, провозгласил, ударив по столу председательского кабинета. Примечательно, что именно этого добивался Родзянко своими телеграммами в Ставку 26 и 27 февраля, «активацией» великого князя Михаила, вызванного им специально из Гатчины, инспирацией его обращения совместно с председателем Совета министров Н. Д. Голицына к царю, наконец, подготовкой присяжным поверенным Н. Н. Ивановым великокняжеского манифеста о даровании ответственного министерства⁴⁸².

Парадокс ситуации заключался в том, что именно в тот момент, когда между 2.30 и 5.50 утра Родзянко узнал по прямому проводу из Пскова что получает царское «добро» на переход фактической власти в его руки и превращение России в конституционную монархию, наподобие английской, председатель Государственной думы оказался не в состоянии им воспользоваться.

Предложения даровать ответственное министерство или хотя бы образовать «министерство доверия», то есть составить правительство из людей, которым доверяет страна, всегда встречали у Николая II однозвучно негативное отношение. За несколько часов до того, как царь позволил отослать телеграмму об ответственном министерстве, он изложил главнокомандующему Северным фронтом Н. В. Рузскому свое кредо.

Формулируя его, Николай сказал, что ничего не желает для себя лично, ни за что не держится, но считает невозможным передавать управление Россией в руки людей, которые сегодня, будучи у власти, могут нанести родине величайший вред, а завтра умоют руки, подав с кабинетом в отставку. «Я ответственен перед Богом и Россией за все, что случилось и случится, будут ли министры ответственны перед Думой и Государственным советом – безразлично. Я никогда не буду в состоянии, видя, что делается министрами не ко благу России, с ними соглашаться, утешаясь мыслью, что это не моих рук дело, не моя ответственность».

Когда Николаю II говорили, что «его мысль ошибочна и следует принять формулу: государь царствует, а правительство управляет», он отвечал: такая «формула ему непонятна, надо быть иначе «воспитанным или переродиться», чтобы принять ее⁴⁸³. При этом царь подчеркнул, что

---

⁴⁸² Подробн. см: *Сафонов М. М.* Ложь и правда об отречении Николая II // Между двух революций 1905–1917: источники, исследования, историография / Ред. Н. В. Лукоянов. СПб., 2005. С. 216–224.

⁴⁸³ Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, документы. М., 1990. (Далее: Отречение). С. 152–153.

не может принимать решения против совести. Выходит, что, отправляя в Могилев телеграмму о даровании ответственного министерства, царь поступал против своей совести! Такое заключение было бы слишком поспешным и поверхностным. Нет сомнения, самодержец был поставлен перед дилеммой: либо признать то, что уже свершилось в Петербурге, где уже победила революция и складывалась новая власть, или попытаться силой уничтожить ее. Но Николай выбрал третий путь...

Какой же? Третьего, вроде бы не дано. Так и не так.

«Мышь в западне», с российской короной на голове, подбирала ключ, чтобы вырваться из клетки? Впрочем, путь Николаю был открыт только на Петербург и на Царское Село, где находились жена и больные дети, дорога же на Могилев, куда был направлен локомотив царского поезда, оставалась свободной. Царь в эти минуты думал не о себе...

В беседе с Н. В. Рузским Николай «перебирал с необыкновенной ясностью взгляды всех лиц, которые могли бы управлять Россией в ближайшие времена в качестве ответственных перед палатами министров, и высказывал свое убеждение, что общественные деятели, которые, несомненно, составят первый кабинет, – все люди совершенно неопытные в деле управления и, получив бремя власти, не сумеют справиться со своей задачей»⁴⁸⁴.

Как это ни покажется парадоксальным на первый взгляд, в оценке общественных деятелей, которые затем вошли в состав Временного правительства, Николай II оказался совершенно прав.

Буквально в то же время, когда Рузский в вагоне царского поезда убеждал царя согласиться на ответственное министерство, в Думе, в Таврическом дворце, в кабинете председателя Родзянко создавался «первый общественный кабинет». Ни перед кем не ответственный.

В ночь на 2 марта в кабинете Родзянко сошлись представители Временного комитета и Исполнительного комитета Совета, вместе с кандидатами создаваемого кабинета на основе списка, который уже несколько лет в различных вариантах циркулировал в думских кругах. Временному комитету и Совету было нужно найти формулу сосуществования. Суть этой формулы заключалась в том, что Временное правительство, созданное на основе списка, берет на себя осуществление умеренной программы демократических преобразований, Совет же своим авторитетом даст «добро» на его образование.

Но существовал один пункт в программе Совета, который нельзя было назвать умеренным и по которому никак не удавалось договориться.

---

⁴⁸⁴ Там же.

Совет стоял на республиканских позициях, но члены Исполкома понимали, что на почве республики с Временным комитетом Государственной думы договориться не удастся. Поэтому они выдвинули такую формулу: Временное правительство созывает Учредительное собрание, которое и определит будущую форму государственного правления России. Но до этих пор не будет принято никаких шагов, которые предприняли бы будущую форму правления.

С этим пунктом никак не хотел согласиться П. Н. Милуков. Он яростно отстаивал сохранение Романовых на престоле, полагая необходимым лишь заменить Николая на Алексея. Разумеется, варианты, предлагаемые Родзянко, – ответственное перед двумя палатами министерство при царе Николае для заключения компромисса между Временным комитетом и Советом – не годились⁴⁸⁵.

В той опасной политической игре, которую лидеры вели в те часы за первенство на новом политическом Олимпе, джокером стали транспорт и связь. В специфической ситуации 1 марта джокер оказался в руках группы А. Ф. Керенского. Манипулируя поездами и телеграфным сообщением, эта группа не допустила поездки Родзянко к царю. Те, кто не пустил Родзянко на встречу с Николаем, прежде всего не хотели, чтобы председатель Временного комитета привез от царя поручение именно ему сформировать министерство доверия или даже ответственное министерство, которое действовало бы при существовании Государственной думы и Государственного совета⁴⁸⁶.

Если бы Родзянко был поставлен во главе кабинета, он должен был бы через законодательные палаты – Государственную думу и Государственный совет провести состав своего кабинета. Но дело заключалось в том, что список «министерства доверия» уже несколько лет с различными вариациями циркулировал в думских кругах. Родзянко в этом списке, записанном на бланке Таврического дворца, не оказался. Список через законодательные палаты не прошел бы. Поэтому сторонники списка не пустили Родзянко к царю, находя варианты, разрабатываемые председателем с ответственным министерством и законодательными палатами, неподходящими. Хотели обойтись без варианта Родзянко и без самого Родзянко. Ситуация, сложившаяся в Петрограде 1 марта, позволяла это сделать.

В эти дни Временный комитет вел отчаянную борьбу с Советом за армию. Борьбу он проиграл. Гарнизон Петрограда оказался на сто-

---

⁴⁸⁵ Суханов Н. И. Записки о революции. М., 1991. Т. 1. С. 150–152; Милуков П. И. Воспоминания. С. 462–464; Токарев Ю. С. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте-апреле 1917 г. Л., 1976. С. 90–93.

⁴⁸⁶ Подробн. см.: Сафонова М. М. Ложь и правда об отречении Николая II. С. 226–230.

роне Совета, что делало его смелее. Родзянко же потерпел поражение в этой схватке и вышел из нее с репутацией слишком умеренного монархиста, никак не подходящего на роль лидера новой власти. Недаром Н. И. Иванову, автору великокняжеского манифеста, когда он принес его в Таврический дворец, Родзянко показался «жалким возницей трялующим возжи». Проект же несостоявшегося манифеста Иванов передал Миллюкову, уже успевшему подхватить возжи⁴⁸⁷.

Миллюков входил в список кабинета доверия. Именно Миллюков стал лидером 1 марта, но в спину ему уже дышал А. Ф. Керенский и его группа, которая выжидала удобного момента поставить подножку Миллюкову и перехватить эстафету, когда он упадет.

Вообще, первому общественному кабинету монарх как таковой был не нужен, но необходимым был символ монархической власти, шапка Мономаха, под сенью которой Временное правительство могло бы пользоваться всей полнотой власти. Именно из рук Романовых хотел Миллюков получить власть, которая уже почти была у него.

При варианте, предлагаемом Исполкомом, удержание этой власти становилось проблематичным. В разгар споров, когда соглашение между Временным комитетом и Исполкомом Совета было почти заключено, когда камнем преткновения оставался лишь один вопрос о будущей форме государственного правления, Родзянко отправился к аппарату, чтобы переговорить с Рузским. Однако, когда Родзянко узнал, что царь дарует ответственное министерство, его ставит во главе оно, председатель Думы был вынужден признаться, что «сам висит на волоске» и «власть ускользает» из его рук. Ответственное министерство при Николае никак не устраивало тех, кому в руки соскальзывала власть от Родзянко, а он, идя на создание Временного правительства и навстречу тем, кто хотел управлять «без Николая», стремился удержать власть эту в своих руках, потому и вынужден был считаться с их мнением. А они требовали отречения Николая и регентства Михаила при малолетнем Алексее. Рузский запросил Родзянко, следует ли публиковать манифест, которым он ставился во главе правительства, председатель не сказал «нет», и ответил уклончиво: все зависит от событий, которые летят с головокружительной быстротой. Видимо, он полагал, что публикация такого манифеста могла бы сыграть ему на руку, но только в том случае, если бы это было сделано без его санкции⁴⁸⁸.

Родзянко был прав только в том, что власть ускользала из его рук. В руки же Временного правительства, в которое его не включили, в эту

---

⁴⁸⁷ Иоффе Г. З. Революция и судьба Романовых. М., 1992. С. 31.

⁴⁸⁸ КА. 1927. № 2. С. 56–61.

ночь власть как раз переходила. Лидером его на тот момент стал Милоков. Но 2 марта в 15 ч. он совершил серьезнейший политический просчет. Формально объявив на митинге о создании первого общественного кабинета, Милоков в качестве лидера новой власти потерпел фиаско. Сообщение о том, что монархия будет сохранена, престол перейдет к Алексею, а регентом станет Михаил, вызвало бурю негодования⁴⁸⁹. Попытка провести свою линию, которую накануне он так яростно отстаивал во время переговоров, встретила резкое противодействие. Явочным порядком протащить этот важный пункт не удалось. Именно с этой минуты его власть, как лидера нового правительства, начала постепенно таять.

Подобно Родзянко в эти минуты он прошел экватор своей политической популярности, а его авторитету лидера был нанесен непоправимый ущерб. Тот, кто хотел поставить подножку новому лидеру, получил хорошую точку опоры.

Тот, кто во Временном правительстве хотел занять место Милокова, как лидера, должен был иметь в виду, что надо идти значительно дальше. Сделать это предстояло А. И. Гучкову и В. В. Шульгину.

Когда Родзянко вернулся в свой кабинет после разговора с Рузским, утром 2 марта, переговоры с Исполкомом Совета закончились ничем. Наметившиеся было соглашения расстроились из-за нерешенного вопроса о форме правления. Разошлись с тем, чтобы завтра в 15 часов встретиться вновь и продолжить прения. Незадолго перед этим в кабинете Родзянко появился А. И. Гучков.

В общественном кабинете ему отводился пост военного и морского министра. Его кандидатура была встречена представителями Исполкома без энтузиазма. Гучков же был крайне недоволен тем, что вновь создаваемая власть оказалась «под колпаком» у Совета. На таких условиях Гучков отказывался войти в «первый общественный кабинет» потому, что у него не будет свободы рук. Собственно, Гучков и сорвал наметившееся соглашение. Решение было отложено до завтра⁴⁹⁰.

Пожалуй, из всех членов общественного кабинета Гучков острее всех сознавал его самозванческий характер. Хотя кандидатура премьера, состав правительства и его программа были согласованы между Временным комитетом и Исполкомом, Гучков отлично понимал, что Временное правительство оставалось «без какой бы то ни было санкции сверху в смысле отсутствия монархического престижа и преемственно-

---

⁴⁸⁹ Милоков П. Н. Воспоминания. С. 464; Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 3 марта.

⁴⁹⁰ Токарев Ю. С. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте-апреле 1917 г. С. 101–104; Милоков П. В. Воспоминания. С. 463.

сти власти и в смысле отсутствия опоры снизу»⁴⁹¹. Поэтому проблемой № 1 первого общественного кабинета будет проблема легитимизации своей власти.

В новой организации государственной власти Николаю места уже не оставалось. Но Гучков понимал, что ни в коем случае нельзя допустить, чтобы новая власть низложила царя. Нужна была преемственность от старой власти. Нужна была санкция монарха на легитимный царский титул.

Само отречение царя, как это ни покажется странным, на первый взгляд имело второстепенное значение. Нужна была такая формула, которая позволила бы общественному кабинету в ранее заготовленном списочном составе твердо встать на ноги.

Тактика Милюкова строилась на том, что первый общественный кабинет будет действовать при номинальном монархе. Более всего такой установке отвечала комбинация, при которой Николай отрекается от престола, регентом объявляется великий князь Михаил, а наследником провозглашается Алексей.

В ночь на 2 марта Родзянко был вынужден переориентироваться на милюковский вариант. Тот, кто собирался перешагнуть через Милюкова и не лишиться поддержки Совета, должен был идти «левее» милюковской формулы. Следующим пунктом в движении по этому направлению была бы передача престола из семьи Николая и Александры в совершенно другую семью – в семейство Михаила, которое не имело на престол даже формальных прав.

Гучков собирался отправиться в Псков, чтобы добыть законный царский титул, добровольно переданный. Между тем после ночных переговоров Исполкома и Временного комитета настроения в Совете стали изменяться. Выиграв борьбу за армию, Совет стал решительнее, настроения радикализировались. Это отчетливо проявилось во второй половине дня 2 марта.

2 марта 1917 г. 14.47. Гучков и Шульгин отправились в Псков за легальным царским титулом для первого общественного кабинета. По всей видимости, в тот момент они собирались добиваться отречения Николая в пользу Алексея при регентстве Михаила. Но группа Керенского задержала их в Луге. Здесь к ним присоединились делегаты Совета, который контролировал положение⁴⁹². Когда они прибыли в Псков около 9 часов вечера ситуация уже изменилась – после неудачного выступления Милюкова, подлившего масла в огонь, маятник настолько качнул-

---

⁴⁹¹ Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. С. 63.

⁴⁹² Подробн. см.: Сафонов М. М. Ложь и правда об отречении Николая II. С. 248–250.

ся влево, что передача престола несовершеннолетнему Алексею стала казаться невозможной.

А. Ф. Керенский в ранней редакции своих мемуаров рассказал о том, что после милюковской речи Исполком Совета потребовал от него объяснений относительно проекта регентства. Александр Федорович признался, что посвящен в этот проект, но заверил, что он потребует от правительства отказа от проекта или пригрозит своей отставкой. Исполком тогда решил послать в Псков собственную делегацию. Делегаты, по словам Керенского, выехали в 16 часов⁴⁹³. Думается, этот важный эпизод, о котором впоследствии Керенский предпочитал не вспоминать, многое проясняет в истории отречения.

Когда Гучков и Шульгин вышли из вагона царя, в 1.00 3 марта в Ставку была послана телеграмма «Его величеством подписаны указы правительствующему Сенату о бытии председателем Совета министров князю Г. Е. Львову... Государь император изволил *затем* (курсив мой. — М. С.) подписать акт отречения от престола...»⁴⁹⁴.

Итак, вначале указ о назначении Львова председателем Совета министров (заметим, что сохранено название органа, бывшее в употреблении до революции, помеченное 14 часами, то есть за час до того, когда Милюков объявил в Екатерининском зале о создании «первого общественного кабинета») и только потом манифест об отречении, подписанный якобы в 15 часов.

Это и понятно, необходимо было создать впечатление, что Николай поставил Львова во главе правительства сам по себе, без всякого участия в этом депутатов, а потом, час спустя, отрекся. Но назначил-то будучи еще полномочным. Вопрос о приобретении легитимного царского титула для Временного правительства, переданного самой верховной властью, а затем в прежнем, самодержавном, виде себя упразднившей, и был главной целью поездки Гучкова и Шульгина.

В 0.28 3 марта в Ставку была отправлена телеграмма «Манифест подписан»⁴⁹⁵. На основании этого документа, престол передавался не Алексею, а Михаилу, что вопиющим образом противоречило порядку престолонаследия. В текст манифеста был введен еще один существенный момент: новый монарх должен был принести нерушимую присягу на верность конституции⁴⁹⁶.

---

⁴⁹³ *Kerenski A. La revolution Russe.* (1917). Paris, 1928. P. 71.

⁴⁹⁴ КА. 1927. № 3. С. 16.

⁴⁹⁵ Там же. С. 15.

⁴⁹⁶ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 4 марта; Отречение. С. 223; ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. № 2100 А.

Гучкову и Шульгину надо было найти такую юридическую формулу, которая узаконила бы передачу власти в руки Временного правительства. Но при этом необходимо было учитывать, что, с одной стороны, Временный комитет Государственной думы хотел вписать этот «первый общественный кабинет» в рамки конституционной монархии, а с другой – Исполком Совета рабочих депутатов добивался того, чтобы до созыва Учредительного собрания форма будущего государственного правления не предreshалась.

«Нашею целью было, – признавался Гучков следователю Чрезвычайной следственной комиссии летом 1917 г., – избежать гражданской войны, и надо было создать комбинацию, при которой все факторы имели бы моральную и фактическую силу и согласились бы на эту комбинацию»⁴⁹⁷. Вступление на престол Михаила имело то преимущество перед воцарением Алексея, что Михаил был полномочен дать присягу править в соответствии с теми началами государственного управления, которые будут установлены, малолетний же Алексей такой присяги дать не мог. То есть, при Михаиле могла быть введена конституция, а при Алексее нет, показывал Гучков ЧСК. Но Гучков утаил от Следственной комиссии то важное обстоятельство, что такая формула более всего отвечала интересам группы Керенского, а без ее санкции они не могли ни доехать до Пскова, чтобы получить манифест, ни вернуться с ним назад.

Воцарение фактически безвластного Михаила, по мнению Гучкова, было более благоприятным для «укоренения» первого общественного кабинета даже несмотря на то, что оно было незаконным. Во-первых, эта комбинация была явно проще, и давала выигрыш во времени; а, во-вторых, именно воцарение Михаила открывало перспективу для безболезненного разрешения конфликта между Исполнительным комитетом Совета и Временным правительством по поводу формы правления: если бы Временному правительству пришлось бы уступить Совету, Михаил имел право отречься от престола, а малолетний Алексей – нет.

Именно так все и произошло! Причем гораздо быстрее, чем предполагал Гучков.

В то время как в салоне царского поезда в Пскове решалась судьба престолонаследия, в Таврическом дворце был поставлен вопрос о существовании трона в России. Вопрос этот теснейшим образом был связан с вопросом о судьбе Временного правительства. Около 20 часов 2 марта 1917 г. члены Исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов и Временного комитета Государственной думы встретились вновь, чтобы продолжить переговоры о создании первого общественного кабинета. За сутки, прошедшие после того, как переговоры были прерва-

---

⁴⁹⁷ Падение царского режима. М.; Л., 1926. Т. VI. С. 273.

ны, ситуация изменилась. Совет выиграл борьбу за армию и чувствовал себя уверенней, чем накануне. Временный же комитет за истекшие 24 часа свои позиции сдал. Временное правительство нуждалось в санкции Совета. Без нее оно не могло утвердиться. Поэтому члены Временного комитета спешили дистанцироваться от Миллюкова и принять требование Исполкома о том, что до созыва Учредительного собрания вопрос о форме государственного устройства России останется открытым.

Надо иметь в виду, что в момент, когда «аргонавты» покинули Лугу, получив в ней последнюю информацию о положении дел в Петрограде, соглашение между Временным комитетом и Исполкомом Совета о будущей форме правления еще не было окончательно оформлено. В ночь на 3 марта был достигнут компромисс⁴⁹⁸. В декларации Временного правительства, опубликованной утром вместе с заявлением Совета о его поддержке, говорилось, что первый общественный кабинет начнет немедленную подготовку к созыву Учредительного собрания, которое установит форму правления и конституцию страны⁴⁹⁹.

Это соглашение означало: в пользу кого бы ни отрекся Николай, вступление на престол нового монарха войдет в противоречие с достигнутым компромиссом. Сохранение монархии хотя бы временно, до созыва Учредительного собрания, означало бы срыв соглашения оставить вопрос о будущей форме правления пока открытым. А без такого соглашения общественный кабинет списочного состава не мог бы утвердиться. Это обстоятельство выдвигало Керенского на первые роли.

Видимо, в ночь на 3 марта произошло объяснение между Родзянко и Керенским. Поскольку с Исполкомом Совета удалось договориться, Родзянко просчитал для себя ситуацию так: до созыва Учредительного собрания Государственная дума возобновит свои занятия. Вместе с Государственным советом она составит «законодательные палаты» (как это было при Николае) и при них станет действовать общественный кабинет списочного состава под названием «Совет министров», а над всем этим будет стоять Временный комитет во главе с ним самим, М. В. Родзянко. Именно такая комбинация позволяла бы Миханлу Владимировичу в изменившейся обстановке сохранить ускользающую власть.

В 6 часов утра Родзянко вызвал к прямому проводу начальника штаба Ставки М. В. Алексева и передал ему повеление не «пускать в обращение» манифест до получения от председателя Временного комитета

---

⁴⁹⁸ Токарев Ю. С. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте-апреле 1917 г. С. 101–104; Сафонов М. М. Ложь и правда об отречении Николая II. С. 265–266.

⁴⁹⁹ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 3 марта.

«соображений», потому что обнародование манифеста может вызвать гражданскую войну. Кандидатура Михаила, заявил Родзянко, «ни для кого не приемлема». Ситуацию Родзянко прокомментировал так: предполагалось воцарение Алексея при регенте Михаиле. «Соглашения на этом достигнуть не удалось и установлено только перемирие: предполагается необходимым созыв Учредительного собрания», а до тех пор действие Временного комитета и Совета министров при существовании Государственной думы и Государственного совета. Только эта комбинация может внести успокоение и только при ней можно надеяться на «возвращение дисциплины воинских частей»⁵⁰⁰. В то время как Родзянко и Львов ожидали точного текста манифеста об отречении, Керенский сделал предложение Миллюкову о введении республики⁵⁰¹. Но Миллюков настолько прочно связал свою политическую судьбу с сохранением монархии, что всякие предложения слева означали для него крушение далеко идущих замыслов. Поэтому он отказался.

Утром Временное правительство отправилось на квартиру Пулятиной. Члены первого общественного кабинета вместе с Родзянко собрались, чтобы решить вопрос о том, как сделать этот кабинет всесильным, то есть наделенным всей полнотой власти, которая теперь даже юридически была исторгнута из рук Николая. И именно с этой точки зрения решался вопрос о том, как поступить Михаилу: принять престол или отказаться от него. «Бонапартемок» Керенский и его группа, заручившись поддержкой Родзянко, запугивали Михаила теми опасностями, которые ему грозят, если он осмелится заявить о своем воцарении. Михаил престола не принял⁵⁰². Оставалось лишь юридически оформить то, что было решено. Созданный документ представлял собой шедевр юридической казуистики. Его нарекли потом Актом об отказе от престола. Но по сути дела актом он не был, так как не были соблюдены юридические формальности, необходимые для документа такого рода. А не соблюдены они были потому, что если бы В. Д. Набоков и Б. Э. Нольде стали придавать документу законный вид, то сразу же возник бы юридический тупик: великий князь не мог отречься от того, что не могло быть ему передано. Но для составителей главное заключалось в том, чтобы, не прерывая монархической традиции, устами представителя правящей династии передать всю власть первому общественному кабинету, сообщив одновременно о предстоящем созыве Учредительного собрания. Этот документ не предрешал вопроса о будущей форме правления, но допускал возможность, что это будет монархия. Тем самым, благодаря такой

---

⁵⁰⁰ КА. 1927. № 3. С. 25–27.

⁵⁰¹ Миллюков П. П. Воспоминания. С. 468.

⁵⁰² Подробн. см.: Сафонова М. М. Ложь и правда об отречении Николая II. С. 269–270.

юридической неопределенности, можно было рассчитывать на одобрение и монархистов, и республиканцев.

Сама редакция документа свидетельствует о том, что он всецело отвечал далеко идущим замыслам Керенского и его группы. Суть этого документа заключалась в том, что он провозглашал всевластье Временного правительства. Если бы члены первого общественного кабинета сами провозгласили, что Временное правительство облачается «всей полнотою власти», то это выглядело бы как возмутительная узурпация. Но это провозглашалось устами представителя династии. Самодержавная власть, в полном объеме перешедшая благодаря отречению Николая к Михаилу, теперь переуступалась кабинету, возникшему опять же не самозванно, а по почину Государственной думы. На него призывалось устами представителя династии Божие благословение. Без пяти минут император призывал всех граждан России подчиниться Временному правительству⁵⁰³. Но это было намного хуже министерства доверия, ибо министры в таком министерстве были бы ответственны перед монархом. Члены же первого общественного кабинета – ни перед кем.

Невольно как-то напрашивается вопрос о том, не предполагалась ли эта комбинация уже тогда, когда Гучкова и Шульгина пропустили через Лугу в Псков с новой формулой отречения Николая? Ведь Михаил мог передать всю власть Временному правительству, а малолетний Алексей сделать этого был не в состоянии. Похоже, никто всерьез и не думал о воцарении Михаила. Гучков же полагал, что правительству какое-то время, пока оно не встанет на ноги, нужен будет формальный опекун в виде регента без носителя верховной власти. Но Керенскому и К^о не нужен был никакой опекун. Гучков понял, что его обвели вокруг пальца, и встал в позу, но это была буря в стакане воды. Обвели вокруг пальца и Родзянко, который еще утром 3 марта, до совещания на квартире Михаила, думал, что первый общественный кабинет будет просто-напросто вписан в прежнюю организацию государственной власти, только место государя займет Временный комитет под председательством Родзянко. Горькос разочарование должно было постичь Михаила Владимировича после того, как он, уговорив великого князя Михаила не принимать власть, вырвал из-под себя председательский стул: передав всю полноту власти Временному правительству, великий князь по сути дела уничтожил Государственную думу и Государственный совет. Из акта Михаила логически вытекало, хотя об этом и не упоминалось вовсе, уничтожение Думы, так как на Временное правительство, облеченное всей полнотой власти, возлагалась основная обязанность созвать Учредительное собра-

---

⁵⁰³ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 4 марта.

ние. Если же Государственная дума и Государственный совет стали бы функционировать, эта главная задача новой власти могла бы оказаться невыполнимой.

По словам члена группы Керенского А. А. Бубликова, вскоре «была создана теория, по которой вся государственная власть в России преемственно сосредоточилась в руках Временного правительства и Государственная дума, как таковая, даже и собираться не имеет права»⁵⁰⁴.

В портфеле Министерства иностранных дел сохранился прелюбопытнейший документ – черновик журнала первого заседания Временного правительства. Одни историки считают этот документ апокрифом, другие признают его подлинность. В нем говорится: «Министр-председатель возбудил вопрос о необходимости точно определить объем власти, которой должно пользоваться правительство до установления Учредительным собранием формы правления <...> равным образом, как и о взаимоотношениях Временного правительства к Временному комитету Государственной думы. По этому поводу высказывались мнения, что вся полнота власти, принадлежавшей монарху, должна считаться переданной не Государственной думе, а Временному правительству, что таким образом возникает вопрос о дальнейшем существовании Комитета Государственной думы, а также представляется весьма сомнительной возможность возобновления занятий Государственной думы IV созыва <...> после произошедшего государственного переворота Основные законы Российской империи должны считаться недействительными, и Временному правительству надлежит установить как в области законодательства, так и управления те нормы, которые оно признает соответствующими в данный момент <...>»⁵⁰⁵.

Слова этого документа, даже если он не был подлинным, а только передавал суть происходящего, отзывались похоронным звоном по Государственной думе.

А что же Николай? Какова же его роль в этой истории, навсегда похоронившей Государственную думу? Может быть, отправив телеграмму в Ставку ночью 2 марта о даровании ответственного манифеста во главе с Родзянко, он мог бы стать отцом русского конституционализма?

Как уже говорилось, Николай выбрал третий путь! В чем он состоял?

---

⁵⁰⁴ Бубликов А. А. Русская революция. Ее начало, арест царя, перспективы. Нью-Йорк. 1918. С. 42; Ср.: Николаев А. Б. Государственная дума в Февральской революции. Рязань. 2002. С. 224–242.

⁵⁰⁵ Сторожев В. Н. Февральская революция 1917 г. // Научные известия (Академический центр Наркомпресса РСФСР). М., 1922. Сб. 1. С. 143–144; Ср.: Николаев А. Б. Государственная дума в Февральской революции. С. 230–232.

В Пскове в ночь со 2 на 3 марта 1917 г. в промежуток времени между 23 ч. 32 м. и 0 ч. 28 м.⁵⁰⁶ Николай II подписал карандашом напечатанный на пишущей машинке текст отречения, который представляет собой «филькину грамоту». Никакого Акта отречения Николая II, который не мог быть оспорен с формально-юридической точки зрения, не существует⁵⁰⁷.

Нетрудно заметить, что нигде человек, от имени которого написан этот документ, не назван ни самодержцем, ни императором. Это просто некто «Николай». Не назван по имени и фамилии начальник штаба верховного главнокомандующего М. В. Алексеев. Получается, некто Николай сообщает о своем решении безымянному начальнику штаба. С этой точки зрения письмо Ваньки Жукова «на деревню дедушке, Константину Макарычу» более конкретно, чем этот так называемый «Акт».

Обычно юридический акт начинается с упоминания лица, от имени которого он составляется: «Я, имярьск». Затем следует указание на должность или статус этого человека: «Такой-то и такой-то». Для императорских манифестов была выработана устойчивая формула. Она воспроизводилась типографским способом на печатных бланках Министерства императорского двора: «Божьей Милостью мы, Николай Второй, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и пр. пр. пр. ». Затем, как правило, помещалась фраза, указывающая, кому адресован манифест: «Объявляем всем нашим верным подданным». После текста манифеста обязательно следовала заключительная формула: «Дан», то есть указывалось место, где был подписан манифест, например: «в Пскове», затем проставлялась дата: «в третий день марта лета от Рождества Христова одна тысяча девятьсот семнадцать, царствования же Нашего двадцать третьего». Завершала манифест подпись самодержца. Час и минута подписи никогда не обозначались. Кроме того, существовала строго установленная процедура оформления манифестов. Несмотря на то что в конце XIX века в России появились пишущие машинки и их стали употреблять для составления проектов, текст манифеста, на котором ставилась императорская подпись, обязательно переписывался от руки⁵⁰⁸. Только в таком виде манифест получал юридическую силу. В канцелярии Министерства императорского двора

---

⁵⁰⁶ КА. 1927. № 3. С. 15.

⁵⁰⁷ Подробн. см.: Сафонов М. М. Отречение... Которого не было? // Смена. 1997. 14 марта.

⁵⁰⁸ Островский А. В., Сафонов М. М. 15–17 октября 1905 г. В царской резиденции. (Из записок А. А. Будберга) // Английская набережная, 4: Санкт-Петербургское научное общество историков и архивистов. СПб., 1997. С. 403.

служили специальные переписчики, которые обладали особо красивым почерком. Он назывался «фрондо», а лица, им владевшие, соответственно именовались «фрондистами». Только их употребляли для переписки особо важных бумаг: рескриптов, грамот и манифестов. Разумеется, в таких документах никаких помарок и подчисток не допускалось⁵⁰⁹.

Оставляя в стороне вопрос о юридической состоятельности так называемого Акта отречения Николая II, нетрудно прийти к заключению, что Акт отречения как такового не существует. Есть лишь текст, которому придан вид телеграммы начальнику штаба, и в этом телеграфном сообщении главнокомандующий извещает подчиненного о своем решении. Акт отречения и телеграмма об отречении далеко не одно и то же!

Почему же манифесту об отречении придана форма телеграммы?

Дело в том, что составителю этого документа было очень важно показать, что решение о передаче престола в обход Основных законов Михаилу принято самим Николаем добровольно. Не только без всякого давления со стороны Гучкова и Шульгина, но и без какого-либо их участия, потому что царь подписал отречение за семь часов до их прибытия в Псков. Точная временная привязка была необходима составителю и по другой причине. Как уже говорилось, 2 марта в 15 часов в Екатерининском зале было провозглашено создание первого общественного кабинета, который намеревался сохранить монархию с передачей престола Алексею. Это намерение, оглашенное П. Н. Милюковым, встретило бурю негодования со стороны республикански настроенных рабочих и солдат. Составителю Акта отречения было важно показать, что добровольное решение Николая передать власть не Алексею, а Михаилу никак не было связано с реакцией на речь Милюкова, ведь «Акт отречения» был подписан в Пскове в то самое время, когда Милюков произносил свою речь в Таврическом дворце в Петербурге. Для этого, чтобы это выглядело достоверно, требовалось, чтобы в документе было обозначено время подписания документа. Поскольку же в манифестах время суток никогда не обозначалось, манифесту придали вид телеграммы с обозначением часа и минуты, когда она была отправлена. Но сделали это крайне неудачно.

Дата телеграммы проставлена совершенно безграмотно. Действительно, телеграммы, которые отсылал Ю. Н. Данилов из штаба Северного фронта, заканчивались так: «Псков. Число, месяц. Час. Минута». Потом обязательно следовал номер телеграммы. Например, «1244 Б»⁵¹⁰. Затем следовала подпись. Нетрудно заметить, что на Акте отречения нет номера телеграммы, который обязательно должен был бы здесь

---

⁵⁰⁹ Мосолов А. А. При дворе императора. Рига, б/г. С. 139.

⁵¹⁰ КА. 1927. № 3. С. 16.

находиться, если бы она действительно была подготовлена к отправке. Да и сама дата выглядит несколько странно: «2-го Марта 15 час. 5 мин. 1917 г.».

Как правило, год в телеграммах не обозначался, а если обозначался, то цифры года должны были следовать после написания дня месяца, например, «2 марта 1917 г.», а отнюдь не после указания точного времени. На Акте отречения мы как раз видим несколько необычное сочетание: «...15 час. 5 мин. 1917 г.»⁵¹¹.

Почему Николай дал свое согласие на такое противозаконное предложение?

Обычно решение Николая отречься объясняют тем, что он понял, что потерял поддержку армии, и «плебисцит» командующих фронтов по вопросу о необходимости отречения, устроенный М. В. Алексеевым, окончательно убедил царя в том, что иного пути у него не осталось. Однако при этом упускается из виду одно важнейшее обстоятельство, которое, по всей видимости, сыграло важнейшую роль и определило тактику царя.

1 марта Николай, прибыв в Псков, записал в дневнике: «Стыд и позор! Доехать до Царского Села не удалось. А мысли и чувства все время там! Как бедный Аликс, должно быть, тягостно одной переживать все эти события! Помогите нам Господь!»⁵¹². Это ярчайшее свидетельство того, что в момент, когда решалась судьба династии, Николай думал прежде всего о жене, о своей семье, а не о судьбе трона.

О том, что именно необходимость спасти жизнь жены и детей может стать самым важным аргументом при решении вопроса о власти, прекрасно было известно в Ставке, добивающейся отречения царя. Поэтому ему было сообщены ложные сведения.

Около 9 ч. 2 марта генерал-квартирмейстер А. С. Лукомский передал из Ставки в Псков начальнику штаба Северного фронта Ю. В. Данилову, что выбора нет и отречение должно состояться. «Надо помнить, что вся царская семья находится в руках мятежных войск, ибо по полученным известиям, дворец в Царском Селе занят войсками. Если царь откажется, то, вероятно, произойдут дальнейшие эксцессы, которые будут угрожать царским детям, а затем начнется междоусобная война»⁵¹³. Лукомский отлично знал, какую силу может иметь в глазах Николая этот аргумент о жене и детях-заложниках.

---

⁵¹¹ Фотокопия этого документа воспроизведена на обложке книги: *Ненароков А. П.* 1917: Краткая история, документы, фотографии. М., 1990. С. 53; ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. № 2100 А.

⁵¹² Отречение. С. 34.

⁵¹³ КА. 1927. № 2. С. 75.

Около 15 ч. главноком Северного фронта Н. В. Рузский представил Николаю ответы главнокомандующих фронтами на запрос Алексеева о необходимости отречения⁵¹⁴. Вместе с телеграммой Алексеева об этом Рузский представил царю и запись утреннего разговора помощника начальника штаба Ставки В. Н. Клембовского с генерал-квартирмейстером штаба Северного фронта В. Г. Болдыревым о положении в Царском Селе и переходе конвоя на сторону Думы. Как свидетельствовал Ю. Н. Данилов, для государя «это был очень печальный факт»⁵¹⁵. Видимо, он и предопределил дальнейшую тактику Николая. Царь объявил о своей готовности отречься, тем не менее, он вовсе не собирался расставаться с властью, а лишь искал способы сохранить ее и спасти семью.

«Если они тебя принудят к уступкам, – писала Александра Федоровна мужу в Псков, – то ни в каком случае ты не обязан их исполнять, потому что они были добыты недостойным образом». Александра Федоровна мыслила логично и практически. «Два течения – Дума и революция – две змеи, которые, как я надеюсь, отгрызут друг другу головы. Это спасло бы положение. Я чувствую, что Бог что-нибудь сделает... я не могу ничего советовать, только будь самим собой. Если принудят покориться обстоятельствам, то Бог поможет освободиться от них».

Как видим, Аликс трезво оценивала ситуацию, была хорошо осведомлена и намечала единственный выход из создавшегося положения: подписать все, что заставят, а потом показаться перед войсками. Противоборство Думы и Совета даст шанс вернуть упущенную власть. Юридически все подписанное Николаем не будет иметь силы, потому что он поставил свою подпись не по доброй воле, а по принуждению.

Хотя казак, через которого Александра Федоровна рассчитывала передать письмо, не смог связаться с Николаем и царь не прочитал мыслей своей обожаемой жены, но как писала Аликс в письме, составленном на следующий день: «Мы в совершенстве знаем друг друга, нам не нужно слов»⁵¹⁶. (42) Александра Федоровна была абсолютно права. Николай II не только мыслил, но и поступал точно так же.

В ночь со 2 на 3 марта он поставил свою подпись под «филькиной грамотой». Однако никто не обратил внимания на то, что с точки зрения формально юридической также не существует и никакого манифеста о даровании ответственного министерства во главе с Родзянко. Ведь это тоже «филькина грамота». Она отличается от так назы-

---

⁵¹⁴ Там же. С. 72–73.

⁵¹⁵ Данилов Ю. В. Мои воспоминания об императоре Николае II и великом князе Михаиле Александровиче // Архив русской революции. Берлин, 1928. Т. 19. С. 229.

⁵¹⁶ Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Л., 1927. Т. V. С. 232.

ваемого Акта отречения тем, что никогда не была подписана царем. В ночь на 2 марта Николай разрешил Ставке обнародовать текст телеграммы, которая была составлена без соблюдения формально юридических признаков, обязательных для акта такого рода. Поэтому при изменении ситуации такой «документ» так же без труда мог бы быть дезавуирован. Давая согласие на публикацию такой телеграммы, Николай спасал свою жену и больных детей. Ставка убеждала царя в том, что немедленное согласие на дарование ответственного министерства, как потом и на само отречение, не позволит крайне левым элементам Думы и Совета захватить власть. Уступка будет носить превентивный характер. М. В. Родзянко намеренно распространял слухи о том, что революционная толпа готовит поход на Царское Село, где находились жена царя и его больные дети, оставленные без защиты после перехода конвоя на сторону Думы. В этих условиях Николай выбрал единственный, как ему казалось, путь спасти свою семью: создать видимость уступки. Кроме того, и это очень важно, передать всю исполнительную власть в руки Думы именно в этот момент означало бы столкнуть ее лбом с Исполкомом Совета. И «две змеи» могли бы отгрызть друг другу головы, как втайне надеялась Александра Федоровна. Поэтому, если бы телеграмма царя с не апробированным им «манифестом» была бы обнародована, это далеко не означало бы введение в России конституционного строя.

* * *

Образование первого общественного кабинета было отпраздновано 101 пушечным выстрелом с Петропавловской крепости. Первыми Временное правительство признали петербургские банки. Что же касается «воли великого народа нашего», к которой апеллировал Михаил в своем «акте»...

В 1831 г. была издана трагедия Пушкина «Борис Годунов». Последняя сцена трагедии кончается словами Мосальского, вышедшего на крыльцо «дома Борисова» в Кремле: «Народ, Мария Годунова и сын ее Федор отравили себя ядом. Мы видели их мертвые трупы. / Народ в ужасе молчит/. Что же вы молчите? Кричите: да здравствует царь Дмитрий Иванович! / Народ безмолствует»⁵¹⁷.

В середине XIX в. выяснилось, что в пушкинской рукописи пьеса оканчивалась так: «Народ: Да здравствует царь Дмитрий Иванович»...⁵¹⁸

---

⁵¹⁷ [Пушкин А. С.] Борис Годунов, сочинение Александра Пушкина. СПб., 1831. С. 142.

⁵¹⁸ [Пушкин А. С.] Сочинения Пушкина. СПб., 1855. Т. IV. С. 457.

Много копий сломали литературоведы, чтобы выяснить, что же значит «безмолствует»: активно протестует своим многочисленным молчанием или же бездействует⁵¹⁹. А вряд ли стоило ломать копыя. Если печатная ремарка «безмолствует» пушкинского происхождения (а не цензурного), то это значит, что народ в сознании поэта поступал совершенно одинаково и когда как попугай повторял здравицу царю, и когда молчал, то есть оставался безучастным. Поэтому, какое бы государственное устройство ни было бы создано, народ будет всегда иметь то правительство, которого достоин.

И. В. ЛУКОЯНОВ

Современная российская историография Государственной думы (наблюдения)

За более чем сто лет о Государственной думе написано весьма значительное количество работ. По самым приблизительным подсчетам, их несколько тысяч, и постоянно появляются новые. Поэтому любой обзор будет неполон. Данная статья – лишь попытка очертить наиболее заметные тенденции и направления в изучении истории «российского парламента»⁵²⁰. Под «современной» имеется в виду историография последних полутора десятилетий, ее также, но с большей долей условности можно назвать «постсоветской».

Большое количество работ об истории Государственной думы во многом объясняется специфичностью источниковой базы: немного тем имеют такое обеспечение источниками. Это, прежде всего, корпус стенограмм (редкое явление для дореволюционной России, так как в делопроизводстве доминировали журналы с изложением мнений, а не дословные записи выступлений). Кроме того, стенограммы заседаний Думы были изданы весьма немалым по тем временам тиражом – 5000 экземпляров, они есть во многих библиотеках Российской Федерации, что снимает проблему доступа к этому источнику. Делопроизводство (сильно пострадал лишь архив I Думы, который сами думцы из-за преждевременного роспуска первого созыва народных представителей

---

⁵¹⁹ Алексеев М. П. Ремарка Пушкина «Народ безмолствует» // Пушкин. Л., 1972. С. 208–239.

⁵²⁰ На тему «историография Государственной думы» уже есть целый ряд специальных работ, в том числе кандидатские диссертации: Исхакова О. А. I и II Государственные Думы: либеральная историография. М., 1996; Садинов В. С. Государственная Дума России (1906–1917 гг.). Историография проблемы. М., 2001.